

к схоластике с её мистическими «сущностями», Ньютон отвечал просто: хотя гравитация и загадочна, но ее существование подтверждается опытом, а *hypotheses non fingo* («гипотез же я не измышляю», или «домыслов не сочиняю» — равно возможны оба варианта перевода).

В который раз мы обнаруживаем, что даже крайняя сциентистская идеология — позитивизм — способна быть базой для антинауки! А может быть, дело именно в том, что она — крайняя? В тождестве противоположностей? Или дело не в этом, а в восприятии её отдельных принципов «массаами», то есть людьми, уважающими лишь авторитет (или, по меньшей мере, плоды) науки, но не понимающими ни сути, ни пределов научности? Не понимающими, например, что наука — внеморальна, но *практическое* применение технологий, пусть сколь угодно научно обоснованных, не свободно от моральных ограничений? Все диктаторы XX века легко переходили от демонстративного презрения к «буржуазной» (или «еврейской») науке к самым бессовестным политическим технологиям, основанным на рекомендациях «идеологически выдержанной» науки.

III.2.4. Н. С. Трубецкой

Князя Н. С. Трубецкого никто обычно не причисляет к расистам. Тем не менее наследственности — как видно из контекста, наследственности биологической — он постоянно отводит особую роль. Вот лишь небольшая подборка отрывков:

«Наконец, кроме традиции, самую важную роль в развитии культуры играет наследственность (фактор, недооценённый Тардом). Наследственность дополняет собою традицию, и при помощи её из поколения в поколение передаются вкусы, предрасположения и темпераменты тех, кто творил культурные ценности в прошлом, что и способствует органичности всего развития культуры» (Трубецкой 2007 {1920}: 122).

«Наконец, для того, чтобы данное открытие было принято всеми или большинством, необходимо, чтобы вкусы, предрасположения и темперамент его создателя не противоречили психическому укладу данного общества, — а для этого нужна единая наследственность» (Трубецкой 2007 {1920}: 122—123).

«Наконец, наследственность не может быть заимствована без антропологического смешения А с В, да даже и при таком смешении наследственность у помеси А и В будет иная, чем у одного В» (Трубецкой 2007 {1920}: 123).

«Правда, приняв её, он всё же будет отличаться от чистых романогерманцев по своей наследственности. Но и приняв другую культуру, он тоже будет иметь наследственность, не вполне этой культуре соответствующую, т. к. в его жилах течёт отчасти и романогерманская кровь. Таким образом, по отношению к народам, антропологически смешавшимся с романогерманцами, вопрос о желательности или нежелательности европеизации теряет всю свою остроту и весь свой смысл» (Трубецкой 2007 {1920}: 128).

Читателя, знакомого с рассуждениями «последнего евразийца» Л. Н. Гумилёва (1992: 170 — см. ниже, III.18) об иудаизме, передаваемом «половым путём», не может не насторожить рассуждение «первого евразийца» об «...общероманогерманской национальной психологии, передаваемой путём наследственности и традиции...» (Трубецкой 2007 {1920}: 132). На этих же соображениях основан и пессимизм князя по поводу возможности плодотворных культурных заимствований:

«Но даже когда этот процесс вполне завершится, у европеизированного народа всё же всегда останутся неискоренённые предрасположения национальной психики, передаваемые путём наследственности, и эти предрасположения, отличные от элементов *врождённой психики* романогерманцев, всё-таки будут, с одной стороны, мешать плодотворной творческой работе данного народа, а с другой — препятствовать успешному и быстрому усвоению им новых культурных ценностей, созданных природными романогерманцами» (Трубецкой 2007 {1920}: 136; выделено мной — Л. М.).

Впрочем, повторим, сам Н. С. Трубецкой не считал себя расистом. Возможно, приведённый пассаж должен означать, что «плодотворная творческая работа» возможна лишь в условиях равноправия культур, в то время казавшегося немислимым. Однако *verba volant, scriptum manet* (слова улетают — написанное остаётся). Иллюзия, что Европа правит миром, — достояние истории, и в наши дни антизападный пафос Н. С. Трубецкого оборачивается другой стороной — протестом не против поспешных попыток вестернизации, а против межкультурных контактов вообще. Впрочем, об этом отдельный разговор (III.16).

III.2.5. Г. Вирт и его единомышленники

Важнейшие работы Г. Вирта, посвящённые его расовой теории, в наших условиях труднодоступны. Однако их популяризацией усердно занимаются А. Г. Дугин и А. В. Кондратьев. В частности, А. Г. Дугин (1993) излагает суть взглядов Г. Вирта на две изначальные расы, причём вторую из них прямо называет «звероподобным населением Гондваны»⁵⁴. Под пером А. В. Кондратьева эта картина становится несколько более мирной:

«Именно эта праисторическая миграция и является главной причиной того, что между различными культурами, проживающими по ту и по эту сторону Атлантики, наблюдается такое разительное сходство. В большинстве случаев, однако, мы имеем дело с результатами глубинной метисации, произошедшей между прибывшими из Арктической Родины атланта-нордами и мирными автохтонами занятых ими территорий. Разумеется, последние составили низший, порабощённый слой кормителей, тогда как атланта-норды распределили между собой роли священников и правителей. Они дали народам всего мира глубинный космический Календарь, поведали о Мистерии годичного нисхождения Сына Божьего, рассказали о символике рунических знаков.

Колонизованные народы были явно не в обиде. Однако своим пассивным разумом они всего корпуса спасительных откровений усвоить так и не смогли. Поэтому образовались существенные расхождения между языками и культурами, между культовыми и ритуальными практиками. Однако самое существенное расхождение состояло отнюдь не в этом» (Кондратьев 2007: 38).

Это — классика расизма со времён Гобино. И явно прав был французский автор, утверждая:

«Из этой гипотезы о происхождении европеоидов и американских индейцев Вирт вывел теорию расового (расистского) диффузионизма (*la théorie d'un diffusionnisme racial/racisant*), сочетающегося со смелым тезисом о первичном матриархате, связанным с аналогичной идеей Бахофена» (Steuckers R. 2007).

⁵⁴ Не забудем, что материк Гондвана раскололся ещё в начале юрского периода, когда на Земле не только людей не было, но даже динозавры делали только первые шаги.